

Ума плясал, уклоняясь от копья. Улыбаясь, он вновь и вновь уходил с линии атаки, наслаждаясь опасностью, наслаждаясь собственным превосходством. Уже не кровь — сама энергия в чистом виде струится по его венам, пульсирует силой и неуязвимостью. И то, что это было не правда, не имело значения: важен был только азарт, только битва, только свист плитурилового древка, движения противника и игра света на смертоносном наконечнике.

Копейщик двигался почти идеально: несмотря на травмы, он заставлял оружие вырисовывать узор за узором, удлинняя и укорачивая симбиотическое древко, готовое изогнуться по воле хозяина и поразить цель. Но цель не желала поражаться, то и дело избегая прикосновений смерти. Да, копейщик двигался почти идеально, но недостаточно быстро. Монах оказался быстрее. Быстрее копья, возвращающегося на исходную позицию, и этого было достаточно, чтобы приблизиться к врагу. Копейщик, как по учебнику, пытается разорвать дистанцию, одновременно укорачивая своё оружие, и во вращении ударяя по ногам противника. Ума просто принял удар на голень, тысячекратно набитую ударами о сталь, и хлётко обрушил согнутые в фалангах пальцы на ключицу противника. Послышался мягкий хруст, и рука, державшая копье, бессильно падает, выпуская оружие из пальцев. Ещё один молниеносный удар в челюсть — копейщик оседает безвольным грузом.

— Весёлое, весёлое начало отбора, — напевает Ума, уже теребя в руках сорванный браслет и наблюдая, как из-за угла появляется дрон-уборщик, — вот чем хороши бои в больнице.

Отбросив уже ненужный браслет поверженного участника, юноша садится, скрещивает ноги и пытается вернуться в состояние до отборочного сигнала.

За десять минут до этого

Покидать лечебную капсулу не хотелось, но было необходимо. Голова, ввиду большого количества болеутоляющих, была тяжёлой и замутнённой. Ума решил не переодеваться: так и пошёл в просторной больничной одежде, на ходу проверяя крепость сим-бинтов и разминая травмированные участки тела.

Он выбрал вестибюль. Больничный вестибюль был достаточно большим и с наличием путей для отступления. К тому времени как место было выбрано, руки монаха уже заканчивали заплетать косу, а к тому времени как заплели, редкие посетители покинули больницу, спеша как можно дальше от вестника раздора.

Сесть. Расслабиться. Увидеть бескрайнюю равнину. Вдохнуть долину цветов, нектара и росы. Почувствовать горы. Услышать лес. Погрузиться в очищающий тело океан. Спокойствие. Тишина. Гармония. Выдохнуть. Плавный вдох — диафрагма наполняется воздухом. Выдох — монаха окутывает невидимый кокон тепла и уюта. Вдох — клетки тела пропускают через себя энергию космоса. Выдох — его покидает страх, усталость, боль. Вдох — по телу пробегает лёгкий разряд. Выдох — блаженство лавиной накрывает организм. Вдох — энергетический кокон расширяется, охватывая окружающее пространство. Выдох — кокон уплотняется, насыщая силой и уверенностью. Вдох — почувствовать каждую клеточку тела. Выдох — воля, тело и разум связываются воедино.

Тело пульсирует с ощущением силы и здоровья, только раны на общем фоне чувств выделяются болезненной резкостью. Ума снимал пределы, установленные разумом, чувствуя, как пульсация усиливается, даруя новые и новые волны наслаждения. Пульсация сливается в единый поток здоровья, счастья и силы. Монах выбирает третье и, открыв глаза, становится

воплощением силы. Потому что так надо. Потому что звучит сигнал.

А напротив уже стоит человек с копьём. Вероятно, тоже посетитель больницы, удачно встретивший другого участника.

Ума заговорил первый:

— Ты взял с собой в больницу копьё. Это вообще разрешено? О времена...

Копейщик явно не разделяет желания юноши поговорить. Потому что прыгает, позволяя своему оружию ударить без предупреждения...

Медицинский сектор станции опустел. Больница превратилась в место, избегаемое большинством участников и наблюдателей: она стала целью разрушительной силы, готовой сокрушить любую преграду на своём пути. Три человека в костюмах S ранга неуклонно приближались к месту назначения. Три чёрных тени неслись по станции, не обращая внимания на кого-либо кроме выбранной ими жертвы. Жертвы, что возомнила себя хищником.

В то же время одни из немногих, кто осмелился рискнуть и остаться — компания из девяти человек, что после лёгкого перекуса направилась непосредственно к зданию больницы.

И лишь один наблюдатель подмечал всё происходящее в этом секторе станции. Невысокий рыжеволосый мужчина — один из судей турнира «Нью Нова», считавший своей прямой обязанностью увидеть воочию всё, что приготовит для него этот отбор. Но даже он не знал, что в одном из вип-номеров станции за происходящим наблюдает человек в белом костюме...

Отбросив уже ненужный браслет поверженного участника, юноша садится, скрестив ноги, и пытается вернуться в состояние до отборочного сигнала.

Вдох — тело окутывает спокойствие. Выдох — болезненная пульсация ослабевает. Вдох — приятное покалывание вызывает улыбку. Выдох — покалывания сливаются в единый, всеохватывающий комок энергии. Ума спешит, но так надо. Шаги близко, почти бесшумные шаги уже в трёх секундах от начала боя. И не важно, что никто не увидит того, на что способно молодое воображение, главное, чтобы никто не почувствовал его результат.

Сидящий открывает глаза и видит всю ту же неизменную картину: всевозможные виды стульев вдоль стен, просторная зала и множество редко используемых информационных панелей. Шаги не спешат явить своего хозяина, а значит: кто-то уже здесь, скрывается в напряжённой тишине вестибюля.

Ума перекатом срывается с сидячего положения, позволяя иглам просвистеть мимо, хватает лежащее копьё и, изогнувшись в прыжке, посылает его в бесконечно долгий полёт. Стрелявший, выходя из тени, уклоняется от копья. Навскидку стреляет в ответ. Стреляет в пустоту. «Невозможно!» — проносится у него в голове, когда руку охватывает боль, и тело взлетает в воздух. «Он бежал почти с той же скоростью, что и брошенное копьё», — теряя сознание, осознаёт стрелок.

«Охотники за головами, — решает Ума, когда его окружают трое участников, — и они решили попытать счастья в турнире». Справа — усатый, слева — низкий, сзади — толстый. Усатый

стреляет — монах уклоняется, скользя к низкому, тот, в свою очередь, кидает волновую гранату — Ума прыгает, избегая парализующего излучения. Толстый поднимает руку — из рукава вылетает виброхлыст, ударяя юношу по пояснице. Разряд заставляет изогнуться ещё в полёте и рухнуть в конвульсиях на пол. Низкий в два прыжка приближается к юноше, выхватывая из-за спины две электродубинки. В желании окончательно лишить поверженного чувств, ударяет одновременно по шее и пояснице. Извернувшись, Ума умудряется уклониться и ударить по ногам и животу, валя противника на пол. Усатый стреляет — иглы врезаются монаху в грудь. Безрезультатно. Ума летит к стрелку, игнорируя выстрелы: иглы отскакивают, сталкиваясь с жёсткостью мышечного каркаса. Взгляд стрелявшего вспыхивает, излучая панику. Виброхлыст, повинаясь эманациям толстого, обвивает ногу монаха, и пальцы юноши смыкаются, не дотянувшись до горла усача. Ума падает, извиваясь от подобной кипению боли.

Толстый осторожно подходит, постепенно увеличивая разряд. Юноша, с трудом сдерживая вопли, скребёт пальцами пол. Толстый слегка взмахивает рукой, и хлыст выгибается, охватывая шею жертвы новой петлёй. Монах запрокидывает голову, и охотники видят, что не вопль, а смех вырывается наружу. Последнее, что запомнил толстый, перед тем, как кулак с хрустом расплющил ему лицо — улыбка безумца, радость на лице приближающейся опасности.

«Сколько времени учитель держал меня под напряжением? Сколько тренировок подобных пыткам я перенёс? Сколько времени понадобилось, чтобы увеличить мощность разряда до приемлемого? Не сосчитать, а всё равно больно. Боль не уходит... к этому можно только привыкнуть».

Ума вырывает виброхлыст из пухлых пальцев обладателя расквашенного лица, а двое оставшихся кружат, уже понимая всю тяжесть сложившейся ситуации.

— Разминка окончена. — Говорит монах, скручивая бич. — Бегите от...

Ума не успевает договорить: в вестибюль врывается смерть. Три тени — три человека в чёрных как смоль костюмах. Месть пропитала воздух. Усатый успевает выстрелить дважды, прежде чем второе усиленный удар ломает ему шею. Низкий занимает защитную стойку, но бронник просто пролетает мимо него, молниеносно взмахнув стилетом — низкий становится на голову ниже, так и не осознав, что в отражении отполированного пола он видит полёт собственной головы.

— Может, не будем начинать вечеринку без остальных гостей? — Ума само добродушие, особенно на фоне распластанных тел.

Троица замирает. Бар Дьюк смотрит на радар и поворачивается к входу. В проёме появляются девять человек, или, точнее, восемь человек и один мутант. Фин Лехц и его команда

Ставки перебивают одна другую. Зрители предвкушают зрелище, а в одиночной комнате отеля с тревогой наблюдает за своим братом Лехц младший. Мутант, бывший наёмник, а ныне участник отбора сидит в кресле с неподвижно зафиксированными руками. Брат Фина смотрит, как команда из девяти человек входит в больничный вестибюль. Младший Лехц видит человека, сломавшему ему руки, также он видит самых опасных противников турнира. Длиннорукий мутант не знает: в большей степени переживает ли он за брата, или всё ещё испытывает по отношению к нему гнев. Определиться же с чувствами он не успевает: больница превращается в поле боя...

В проёме появляются девять человек, или, точнее, восемь человек и один мутант. Фин Лехц и его команда. Кто из них Фин не ясно, пока восьмёрка участников не расступается, пропуская лидера. И скинув свой плащ, Лехц проходит к середине холла. Новый хозяин ситуации — композитор, решающий, когда завершить вступление и когда перейти на аллегро.

Шаг — мышцы его начинают идти волнами, будто под кожей гнездуются змеи. Шаг — мускулы раздуваются, воплощая мечты сотен тонкоруких мальчишек. Шаг — правый глаз наливается дочерна красным цветом. Шаг — волокна продолжают движение, охватывают всё тело, закрывая уязвимые части и усиливая конечности. Шаг — сухожилия скрипят, принимая на себя привычные изменения. Шаг — суставы со щёлком выпускают из себя воздух. Шаг — трансформация завершается, и наёмник останавливается в пяти метрах от сцены событий. И его уродство освещает сцену, третьей силой собираясь ворваться на помост. Уродство, привыкшее к отвращению и страху, уродство, что сродни репреобразению бабочки обратно в гусеницу.

На спине вздыбился горб из мышц, будто сорняк, пустивший корни по всему телу. Ноги раздулись, словно перезрелая слива, грозящаяся лопнуть и разорвать кожу-оболочку. Одна из глазниц переливается красно-чёрными отблесками, то и дело, норовя показать собеседнику его отражение. Правая сторона крупнее: рука толще и длиннее, нога согнута чуть больше, даже часть лица припухла. Зато на левой стороне тела выпирают вены, опоясывая руку и переходя к голове, чтобы охватить своим голубым узором добрую часть черепа.

Губы двигаются с трудом, но голос мутанта на удивление ровный и высокий:

— Не хотел прерывать вашу беседу, — слова изливаются музыкой струнного инструмента, — хотя нет, хотел. И желание моё вызвано вполне объяснимым фактом, — вены на голове ускоряют свою пульсацию, — месть. Месть, правосудие, сатисфакция, возмездие. Не из-за того ли вы здесь собрались, чтобы отомстить за выбывших товарищей? Конечно, можно назвать это более красивыми словами, но суть не изменится. Да. И не поймите меня неправильно, я вас вовсе не упрекаю: вы имеете на это полное право. Только вот следуя этой логике, я тоже имею на это полное право. Да. Не можете же вы утверждать, что я не могу требовать возмездия, когда мой брат был покалечен, вследствие чего не смог принимать участие в «Ню Нова». Это ли не большая несправедливость, господа? У ваших товарищей, по крайней мере, был шанс победить в честном бою. Да. Так почему у меня не может быть шанса самолично решить мой вопрос с человеком напротив. Ума Алактум... многие запомнят это имя. Имя, незнакомое никому из участников до начала турнира. Ума Алактум, Ума... Алак-тум, У-ма...

Бар Дьюк — лидер оставшихся бронников, в желании перехватить инициативу становится перед мутантом, предварительно подняв руки ладонями кверху:

— Великий Космо! как же мне это напоминает сказку о волках и зайце. Я так понимаю: Вы пришли сюда по той же причине, что и мы. Уверен: мы найдём решение проблемы без лишних проблем, как говорить. Главное — не повторять плачевную историю хищников из сказки.

— Ума Алактум, — Лехц будто и не слышит бронника, — признаться, я рад, что не поддался порыву и не убил тебя в первый же день, посему и вывел весьма интересную тенденцию...

— Не стоит меня игнорировать, это грубо, весьма и весьма, — Бар Дьюк начинает закипать.

— Монах, не обременённый запретами монастыря, — продолжает мысль воплощение уродливой мощи, — но за дни отбора никого не убил, хотя мог...

— Ты принимаешь вежливость за слабость.

- Не заключал союзов против команды со столь нетерпеливым лидером...
- У вас нет ни шанса...
- Спас моих ребят, хотя мог их бросить...
- Мы вас уничтожим...
- И смог голыми руками одолеть костюм S-ранга...
- Я лично оторву тебе голову...
- Без каких-либо модификаций...
- Эрни, на тебе монах. Протос, бери здоровяка, но не убивай. Я разберусь с его шестёрками.
- Посмотрим, как мы сработаемся в команде, Ума Алакту, посмотрим...

Ума успевает оскалиться, предвкушая дальнейшие события, и противники превращаются в вихрь смертельной опасности. Профи в костюме прыгает на мутанта-Фина, Бар Дьюк раскидывает восьмёрку наёмников, бронник со стилетом атакует монаха. И ставки зрителей в этот момент подобно урагану охватывают сервера, то и дело меняясь от крайности в крайность. Самая сдержанная элита невольно возбуждается от происходящего, а пациенты прячутся по палатам, моля вселенную о снисхождении.

Клинок рассекает воздух — юноша падает, избегая смерти и попутно подсекая ноги врагу. Мутант швыряет профи в костюме на «землю», и вбивает противника в пол. Раздувшиеся руки раз за разом обрушиваются на Протоса, металлопластик прогибается под ударами, и боец профи всё больше и больше погружается вглубь пола. Бар раздаёт удары направо и налево, волновики бесперебойно стреляют по обшивке костюма, но без явного результата. Кто-то кричит. Кто-то не успевает уклониться и отлетает с пробитой головой.

Посетители питейных заведений космической станции «Ребелентис» галдят в унисон, упиваясь зрелищем больше любого напитка.

Ума отступает, раз за разом уклоняясь от выпадов короткого меча. Эрни ускоряется насколько позволяет костюм, и за движениями стилета уже не уследить. Монах инстинктивно отскакивает назад и поскользывается на крови обезглавленного охотника. Падает. Фин Лехц, отброшенный ударом ноги, врежется в потолок и ещё до падения получает новый удар. Наёмники пытаются скрутить лидера бронников, но что-то хрустит, хруст завершает чей-то вопль, и Дьюк вырывается из клубка человеческих тел.

Спец информанты не успевают обновлять данные, а ведущий организатор Блюс смеётся, видя размер своей сегодняшней прибыли.

Эрни прыгает на упавшего противника, намереваясь пригвоздить монаха к полу, но ноги внезапно отказывают, и фехтовальщик в броне сам падает перед юношей. Юноша улыбается, радуясь удавшейся уловке и, прежде чем хозяин стилета замечает виброхлыст, опутавший его ноги, Ума начинает игру в узелки, обвивая хлыстом конечности упавшего, завершая всё петлёй вокруг шеи и повышая разряд до максимума. Электрический бич не сможет причинить костюму вреда, но задержит на пару минут. Пусть Эрни извивается на полу в крови убитого им человека, безнадежно пытаясь порвать путы. За время, пока хлыст разрядится, монах сможет понаблюдать за остальными. А остальные не скучали: мутант Фин и профи Протос

обменивались ударами чудовищной силы, но уродство уступало технологиям, и на каждый удар мутанта бронник отвечал двумя, подавляя врага опытом. Лехц взревел на пике боли и швырнул смертоносную тень через весь вестибюль — человек в костюме пробил собой стеклянную стену, и тысячи осколков обрушились на обидчика, погребая Протоса под собой.

Фин тяжело дышит, следы от ударов по всему телу наливаются болезненным пурпуром, но всё же он выдавливает из себя членораздельную речь:

— Плохо дело, тьфу, — мутант сплёвывает выбитый зуб, — Ума Алактум, этот слишком хорош. Не могу гарантировать, что справлюсь. — Чей-то крик, означающий очередную потерю в команде Лехца, на секунду прерывает речь капитана. — У тебя есть план?

— Есть один способ, — наблюдая, как из-под груды осколков поднимается чёрный силуэт, тараторит Ума, — в тридцати метрах по направлению твоего броска находится спуск в комнату энергоснабжения больницы, энергии терминала хватит на поджарку десятка таких костюмов, если ты сможешь швырнуть его в ядро... удачи! — почти искренне бросает юноша вслед мутанту.

А Фин Лехц, уже не слушая союзника срывается с места, чтобы быть встреченным смертоносными объятиями костюма. Рывок против рывка. Сила сталкивается с силой, и глухой удар на мгновение заглушает стоны раненых и возню борющихся. Хрустят рёбра, мутант рычит, ноги скользят по полу, тело раздувается всё больше и больше, пока бронник не поддаётся напору Лехца и не взмывает в воздух, сдавливаемый захватом гигантских рук. Гора мышц берёт разбег и врезается в стену, пробивая стекло оппонентом, раз, другой, третий: Фин прошибает Протосом стену за стеной, минуя коридоры и помещения, превращая элегантные узоры трещин в мириады осыпающихся осколков, пока взору не открывается ульм-люк, открывающий путь в подвальные помещения. Мутант швыряет врага на люк и, прыгнув, обрушивает на цель всю силу своих гипертрофированных ног. Люк выгибается и скрипит, Протос стонет, но оба выдерживают, Фин завершает дело ударом с двух рук, и люк проваливается, поглощая в проёме участников турнира... секундой спустя оттуда доносятся звуки ударов, возвещающие о продолжении веселья...

Зрители улюлюкают, когда столь смертоносный дуэт исчезает из поля зрения камер, но ничего не поделать: административные помещения транслировать запрещено. Поэтому жадный до зрелища зритель переносит своё внимание на происходящее в вестибюле больницы, и вестибюль радуется зрителя бесконечным потоком беспричинного насилия...

И в центре этого насильственного клубка метался Бар Дьюк, раздавая удары направо и налево, оставляя наёмников в постоянном движении. Половина команды Лехца валяется неспособная продолжать бой, а остальная кружится вокруг лидера бронников, постоянно стреляя, атакуя и уклоняясь, с ужасом осознавая, что нет права на ошибку. Выстрелить, прыгнуть в сторону, ударить, уклониться, выстрелить, перекат, ударить, отпрыгнуть. Через боль, через страх, доводя себя до предела, они должны были продолжать. Иначе — смерть.

Внезапно наёмники кинулись врассыпную, и датчики костюма уловили движение. «Монах? Я ждал этого, но какого чёрта там делает Эрни?»

«Смерч» среагировал молниеносно, отразив атаку со спины и тут же нанося удар в открывшегося противника.

Профессионалы никогда не пользуются автопилотом, и многие ошибочно полагают, что это из-за утраты ощущений во время боя. На самом деле это потому, что костюм идеально реагирует

на происходящее, моментально отвечая на любую брешь в защите оппонента. И эта идеальность является единственной слабостью автопилота.

Бар Дьюк моментально наносит удар в открывшегося противника, но удар не достигает свою цель: руку обвивает захватом один из раненых наёмников Лехца. Бар всё понял, но освободиться от захвата не успел: остальная команда уже повисла на нём, давая возможность Уме нанести удар. И Ума ударил...

Обычно во время боя нет времени на разговоры, но дело может исправить численное преимущество. Пока остальные отвлекали бронника, Ума истязал свой портативный z-блок, выжимая из психоуправления всё, на что только был способен. Линза на левом глазу выдала ответ в виде рунических символов, и счёт пошёл на секунды. Десять секунд, чтобы объяснить удар, брешь и момент действия. Ещё десять секунд на то, чтобы лежащий в засаде наёмник передал команду товарищам, и вот уже план приводится в исполнение. Ума прыгает на противника со спины, нанося дробящий удар кулаком. Бар Дьюк отклоняет удар в развороте и бьёт по открывшейся на секунду печени. Один из раненых бойцов, остававшийся до сих пор незамеченным, вскакивает с пола, останавливая удар бронника, заключая его руку в захват «трёх цепей». Ещё секунда, и костюм был готов вырваться из захвата, но остальные уже осели непоколебимым грузом на носителе слишком дорогого наряда.

Искусство девятое — космическая длань, техника внутреннего кулака. И змей девяти искусств, сделав глубокий выпад, ударяет корпус брони в область живота. Удар был не плох — юноша даже услышал бульканье по ту сторону обшивки. Удар, слишком опасный для применения на столь быстром противнике, но единственный, способный причинить ему вред. Бар Дьюк осел, уже не удерживаемый, а поддерживаемый своими врагами, неспособный справиться с болевыми спазмами от внутреннего кровотечения и чувствуя, как по ногам бежит почти бесконечная струйка мочи...

...Минус один...

Лампы и мониторы больничного холла замерцали, будто норовя погаснуть, но передумав, вернулись к обычному состоянию. Ума с облегчением сел на пол, рассмеялся:

— Он справился, мучий сын! Радуйтесь, ваш урод капитан таки поджарил третьего в терминале больницы!

Оставался только Эрни, столь же сильно любивший холодное оружие, сколь не умевший им пользоваться. Раз за разом пытаясь освободиться из объятий виброхлыста, он всё больше и больше поддавался своей ярости, позволяя ей вырываться до тех пор, пока тысячекратно проклятый электро-бич не лопнул, разлетаясь на куски. Убить противников, разорвать их на части, отомстить — только это имело значение. У него есть костюм — он сможет... убить монаха первым, и остальные не представят угрозы...

А в вестибюль возвращался Лехц. Фин шёл тяжёлыми, такими же как недавний бой шагами. Мышцы сдулись, дыхание не хотело восстанавливаться, один глаз не открывался, лицо тонуло в кровоподтёках, а тело искрилось синяками. Медленные, шаркающие шаги было почти не слышно за скрежетом тела о пол. Мутант тащил за собой недавнего оппонента — жалкое подобие человека в оплавленной броне, неспособного даже пошевелиться...

...Минус два...

Эрни от этого зрелища утратил последние крохи рассудительности. Крик его был глубоким и

проникновенным, более осмысленным, чем любые слова. Фин Лехц закричал в ответ, не от чувств, просто заставляя себя собраться с последними силами. Последний из команды броненосцев бежал быстро, достаточно быстро, чтобы мутант не смог его остановить. Сила здесь была не к месту, и Фин просто бросил тело Протоса навстречу мстительной тени. Эрни запнулся намереваясь поймать товарища и слишком поздно среагировал на летящую за Протосом гору вражеских мышц... Фин устал, устал так, как не уставал очень давно, и поэтому, схватив бронника, он вложил все свои последние силы в рывок...

Ни Ума, ни команда не успели ничего сделать, только наблюдали, как последний враг раненым зверем кидается на их союзника. В следующий момент по ушам ударил жуткий звук разрываемого металла, и взору всех присутствующих, как и взорам миллиардов зрителей предстал Фин Лехц. Фин победитель. Мутант — воплощение ужаса, сжимающий в своей гигантской ладони оторванную руку врага. Нет, не руку — всего лишь рукав от бронекосяма, ведь у ног победителя валяется побеждённый с оголённой рукой, ублюдкой торчащей из косяма класса «смерч». Кажется, Эрни не понимает, что случилось. Лехц снова кричит, наступает на поверженного врага, чтобы одним резким движением сорвать с него шлем. Под шлемом затаился страх... Пухлое, совершенно безобидное лицо заливается слезами, совершенно не понимая, как такое могло произойти. Эрни собирается что-то сказать, но Фин накрывает его лицо ладонью и сжимает, пока череп не треснет переспелым орехом цитрап...

...Минус три...

До конца отбора остаётся не так много времени, и Фин перечисляет себе очки Протоса и Эрни. Никто не возражает: выбывшие тихонько стонут или лежат без сознания, а победители, переводя дыхание, сидят в молчаливой задумчивости. Ума, пожав плечами, зачисляет себе очки Бар Дьюка и ранее поверженных охотников за головами. Из команды Лехца никто не возражает.

— Займётесь ранеными и найдёте меня после отбора, — не глядя на подчинённых клокочет капитан и направляется к выходу.

— Тебе тоже не помешало бы в больничку, капитан, — неприятный низкий голос останавливает мутанта.

— Всё, что мне сейчас надо — успокоиться. О себе лучше переживайте. А ты, Ума Алактум... с тобой мы ещё встретимся... — и Фин Лехц покидает больницу, несмотря на своё ужасающее состояние, оставив и товарищей, и поверженных противников позади.

Вестибюль наполняется здоровботами... отбор подходит к концу.

Почти каждый вольный и невольный зритель этого отбора в напряжении наблюдал эпохальную развязку больничного конфликта, посему действия участников находящихся вне территории больницы остались без внимания. Никто не запомнил схватку бывшего военного Диласа и пирата Уру Ичи, длившуюся почти половину отбора, и так и не выявившую победителя. Мало кто обратил внимание на Кун Антиса, стоявшего по окончании отбора над телом, пронзённым всеми имеющимися у хантера клинками, и всё ещё шевелящимся под воздействием мод-регенерации. Только судьи «Нью Нова» знали, где сейчас находится Иола Григ. Никто не видел, как Дурий Морж сдаётся и отдаёт свой браслет Сезаулу, известному как «предраассветный паук». Не было уделено внимание и бойцу Гису Шимуте, в одиночку одолевшему убийцу из клана «Ильда».

Слишком ярким было впечатление от увиденного, слишком большие ставки обрушились на аналитиков и программеров, слишком непредсказуемым было столкновение трёх лидеров турнира. Настолько, что ведущий организатор Блюс на время покинул общество элитных гостей, так и не дождавшись сигнала ровиандо. Настолько, что проигравшие в споре без споров отдавали свои деньги победителям. Даже судья турнира, уже имевший за спиной десятки уровней синтраж и наблюдавший в тот момент за больничным холлом, присвистнул от увиденного зрелища.

По окончанию столкновения зрители загомонили, делясь впечатлениями, хотя отбор ещё не окончился. Отбор подходил к концу, но сигнала об окончании ещё не было...

Последним здоровоты увезли отрубленную голову охотника за головами, что столь неудачно выбрал место и время проведения отбора. Под давящей тишиной холла остались лишь пятеро: Ума и четвёрка наёмников Фина Лехца. Участники не спешили расходиться, просто сидели на холодном металлопластике, наслаждаясь столь приятным моментом отдыха. Уцелевшая четвёрка, благо, отделалась ушибами и ссадинами, но лишилась в схватке большей части своего оружия: дроны-уборщики уже собрали разбитые на осколки волновые пушки, ошмётки разорванной сети и осколки сломанных ножей. Ума, чувствуя как действия обезболивающих препаратов проходят, просто сидел в ожидании, пока боль приведёт его в чувства. Тишину нарушил неприятный голос одного из наёмников:

— Уже дважды ты помог моей команде, парень. — Тот самый голос, что прошлой ночью вёл в бой наёмников.

— Что ж, я вышлю вам номер моего счёта, оплата желательна в общей валюте...

— Ты не понимаешь, никакие деньги тут не помогут... — говоривший почему-то отводит взгляд.

— Что Вы, что Вы, деньги будут в самый раз, — многозначительно кивает Ума.

— Ты не представляешь, как неловко сейчас чувствуют себя мои люди.

— Я-то думал, это люди того надувного парня, как там его зовут... Фил?

— Нет, не его... это моя команда, мои люди, мы всего лишь заключили договор с Фин Лехцем на прохождение «Ню Нова»... пять транзитных билетов на Синтраж, — главарь наёмников наконец-то смотрит в глаза собеседнику.

— Ну, теперь понятно, почему вы чувствуете себя неловко, — взгляд Умы гаснет, а тело напрягается, готовясь сорваться с места в любой момент.

— Понимаешь: всё шло по плану, пока Фин не решил посмотреть на что ты способен, — один из наёмников поправляет наручи, — и у меня сложилось впечатление, что он хочет видеть тебя в своей команде. — Крайний в четвёрке ненароком касается лежащего на полу излучателя, — так если он хочет, чтобы с ним в команде был сильный напарник, то может он уже присмотрел и других фаворитов турнира? — Сидящий справа сжимает рукоять своего кинжала, — получается, что мы ему больше и не нужны... ничего личного, просто холодный расчёт, ну ты меня понимаешь...

— Понимаю, — монах внимательно следит за недавними союзниками, — понимаю, что ради сохранения статуса вы решили избавиться от угрозы в моём лице. — Неприятная ухмылка

искажает лицо юноши, — но, сколько у вас шансов?

— Не пойми неправильно, я не посмел бы тебя недооценить: ты сражался на равных с бронниками, превосходящими обычного вояку раза в три, но ты измотан, и, в отличие от них, тебя не защищает бронекостюм. Скажу больше: если бы я верил, что ты сможешь победить Фина, я бы объединился с тобой. Даже не представляю, какие тренировки ты прошёл. Но этого недостаточно — у тебя нет шансов. Мне, правда, очень жаль...

— Вы допускаете ошибку.

— Посмотрим...

Сидящий с краю стреляет не целясь, но достаточно точно, Ума срывается с места, избегая губительного излучения: вправо, влево, вправо — нога отзывается болью, не выдерживая темпа ежедневных сражений. Юноша замедляется, и очередной выстрел достигает свою цель. На секунду мир гаснет, тело, казалось бы, вскипает изнутри, и монах падает на четвереньки.

«Двигайся, двигайся!»

Кто-то приближается справа и в движении бьёт по шее...

«Неужели это всё?»

Ума окончательно расслабляет руки, позволяя телу упасть на пол, тем самым избегая удара ноги. Холод от прикосновения к гладкой поверхности на секунду возвращает контроль, и монах подсекает ноги оппонента. Отпрыгивает в сторону, в перекате уходит от заряда волновика. Блокирует удар, выкручивает вражескую руку, но наручи на ней выстреливают иглами — не уклониться, и монах напрягает тело, иглы отскакивают, неспособные пробить жёсткую структуру мышц. Враги не прекращают движения: один бьёт со спины, другой стреляет, готовый поразить врага вместе с союзниками. Уйти от атаки, закрываясь живым щитом от излучения и прыгнуть к стрелку. Быстрее, ещё быстрее. Четвёртый этого ждёт и бьёт не мешкая: кинжал вспышкой ударяет в грудь, Ума не успевает уклониться и подставляет руку. Лезвие пронзает предплечье, безжалостно пробивая руку насквозь. Боль на секунду дарует силы, и вражеская конечность хрустит под пальцами монаха. Кто-то бьёт юношу по лицу, ломая нос, отправляя в полёт и позволяя ощутить вкус собственной крови. Ума затылком ударяется о пол, и в глазах темнеет, звуки исчезают, боль становится такой же невыносимой, как и ярость.

«Слышу, чувствую, двое впереди, один сбоку, ещё шаг, и я их достану. Больно, очень больно, к этому нельзя привыкнуть, давай же, двигайся, ещё чуть-чуть, я смогу, я должен...»

Юноша вскакивает, вырывая кинжал из предплечья и вонзая в ногу близстоящего, проскальзывает между врагами, одаряя каждого прикосновением холодной стали. Стрелок слишком далеко, и он успевает выстрелить. Ума прыгает в сторону, кидая кинжал. Излучение бьёт по раненым союзникам, выводя их из строя, кинжал ударяет стрелка в грудь и отскакивает от защитной пластины.

«Да что ты будешь делать!»

С трудом подняться, пойти напрямую к стрелявшему. Не спеша, просто идти к обречённому врагу, чувствуя, как что-то тёмное и холодное идёт вместе с тобой.

Палец нажимает на датчик, и волновой излучатель выпускает заряд. Мир колеблется, что-то

давит на мозг, сжимая вселенную и подгибая ноги. Ума шатается, но не падает, делает шаг, второй. Новый заряд ударяет монаха, растворяя в себе, бурным пламенем выжигая все мысли, заставляя забыть об отсутствии боли, забыть как дышать... На залитом кровью лице пробегают улыбка, и Ума продолжает плестись к своей цели. Мурашки пробегают по спине врага, шаг, ещё шаг — страх накрывает стрелка с головой, шаг — капля пота пробегает по виску, шаг — палец дрожит, неспособный нажать на датчик... Еле живой юноша почти дошёл, когда кто-то сзади выкрикнул приказ своим неприятным голосом, отрезвляя застывшего подчинённого.

Стрелок вздрагивает, приходя в себя, но прежде чем он успевает выстрелить, монах вскидывает свою раненую руку и швыряет что-то во врага, освобождая свою ладонь и одаривая стоящего напротив своей кровью. Алый лепесток расцветает на лице оппонента, ослепляя его, заставляя выстрелить мимо и пропустить удар в горло.

...Зрители не сразу поняли, что происходит, забыв, что отбор ещё не окончен, они упустили всё происходящее под занавес. Вот они говорят, с кем попало, а вот кто-то замечает непонятные изменения. Но кто-то ещё успевает вскрикнуть, и все уже недоумённо таращатся на экран: на истекающего кровью монаха, и валяющихся у его ног наёмников...

Ума не стал сразу добивать стрелка, сначала он нажал что-то на своей руке, останавливая кровотечение, затем пропихнул себе в ноздри по пальцу, глубоко, почти целиком, и с хрустом выровнял треснувший хрящ, фиксируя нос в нужном положении. Вытащив окровавленные пальцы, прочистил нос от запёкшейся крови. Мимолётом оглушив задыхающегося врага элегантным толчком ноги, юноша направился к остальным.

Как ни странно, первым начал действовать тот, что был ранен в ногу. Попытался провести захват, но монах легко погасил попытку встречным броском... слишком легко. Ловкие пальцы защелкнули на запястье монаха шоковый браслет «усмиритель», как при схватке с Вэйлосом.

«Быстрее, быстрее!»

Довольный наёмник падает, зная, что «усмиритель» вырубит и быка. Только вот в тот момент, когда Ума ощутил кожей холодный металл, вторая рука уже начала движение, и ещё до того, как враг в падении достиг земли, браслет был сорван, единым порывом освободив запястье и посылая браслет в наёмника. «Усмиритель» детонировал, коснувшись груди хозяина, пуская заряд по телу и лишая его сознания. Осталось ещё двое...

«Больно, очень больно...»

Голова гудит, подняться, посмотреть на неподвижно лежащие тела, избитые до неузнаваемости: с разбитыми лицами, переломанными костями, что-то булькающими, а значит — живыми. Ума не может вспомнить, как разобрался с последним дуэтом, не может вспомнить, уже зная, что руки просто били в заученной манере, раз за разом, снова и снова...

«Почему я остановился? Что это? Пол дрожит, или я дрожу? Что за звук? Трубный, мощный звук. Ах, сигнал, да. Отбор окончен. Звёзды, как же мне хреново... вызвать здработа, скорее. О Космо, как всё закончится...»

006

— ...таким образом, технический уровень вернулся к довоенному периоду, что позволило перейти от производства к перепроизводству, — мальчишка скривился, когда по телу пробежал очередной разряд тока, — фактически машины могли обеспечить едой всё население Тетра-Виа, и были подготовлены платформы для снабжения оборудованием потенциальных колоний.

В теории можно было выводить деньги из оборота, но человеческая натура полна эгоцентризма, что влечёт за собой желание получить нечто особенное, недоступное остальным: особый товар, особую услугу. Людям были нужны деньги как показатель статуса, как материальное превосходство над другими. Совет Веста, укрепивший свой авторитет во время последней войны, решил «привязать» ценность общей валюты к информации относительно покупательной способности, считая в данных условиях информацию самой дорогостоящей услугой и товаром. — Ученик сжался, когда напряжение повысилось. — Ведь любой рынок сбыта не был обязан покупать тот или иной товар, он мог купить чертежи машины, способной произвести необходимый им продукт, поэтому вопрос оставался за ресурсами и ценностью информации. Получилось, что самым богатым потенциалом обладают национальные Дома с наибольшим количеством терра-космических инновационных проектов и разработок. — Жилистое тело на секунду выгнулось и вернулось в исходное положение. — Хотя товары первой необходимости, такие как еда и одежда были невероятно дешевы, в свою очередь товары развлечения, особенно патентные, созданные независимыми предпринимателями, и, конечно, услуги и недвижимость, продавались с огромной наценкой... — Мальчишка закусывает от боли губу, сдерживая предательские слёзы. — Это и удержало расшатанную экономику, стимулируя движение капитала и фиксируя более девяносто процентов финансов в сфере услуг. Соответственно и работают люди в основном в сфере услуг, за исключением определённых колоний, где это не считается необходимым. Ай!

— Достаточно, можешь снять корсет. — Голос учителя как никогда подло мил.

— Уффф, наконец-то! И что дальше?

— Разминайся, пару раундов с АГ не помешает, полагаю.

— А расскажете что-нибудь интересное? — ученик выполняет движения схожие с танцем, разогревая тело и дух, обрекая на вращение все суставы и выгибая все разделы позвоночника.

— Кто знает, быть может, вспомню что-нибудь, не предвещающее кошмаров.

— А когда я уже стану достаточно сильным? — охламон, обхватив ноги, тянется макушкой к полу.

— Если будешь задавать дурацкие вопросы, то никогда. Всего год прошёл, а я с тобой уже потерял способность радоваться миру.

В стене раскрывается панель стеллажа, и оттуда выходит человекоподобное существо. Белая кукла в человеческий рост семенит в центр комнаты. Автоматизированный гомункул, анатомически приближённый к человеку, в большинстве своём запрещённый на территории Бездны, ведь опасно много с их помощью может быть выполнено работы, в том числе и опасной для чужих жизней. Конкретно эта модель была запрограммирована на проведение спаррингов, и в техническом плане это был наилучший вариант, знающий огромное количество техник и приёмов, в то же время неспособный причинить серьёзный вред спарринг партнёру.

Ученик выходит в центр комнаты, встаёт перед своим оппонентом, и гомункул начинает уменьшаться в размерах, пока его рост не становится приближён к росту двенадцатилетнего мальчишки. Голос учителя начинает поединок:

— Начали! Не спеши! Следи за руками, осторожней, не отступай, обходи справа, не дай себя загнать! Вот, терпи, бей по ногам, не раскрывайся! Придерживайся своего ритма, активней, нет, выкручивайся! Что ты делаешь? Плохо. Ещё раунд. Начали! Следи за дыханием. Бей точнее. Двигайся. Не плохо, продолжай. Бить надо сильнее, не бабка. Уходи. Бей коленом. Нет,

отжимай. Хватай ногу. Терпи. Плохо. Ещё раунд. Начали! Оставайся в движении. Не прыгай. Контролируй врага. Где твои комбинации? Неплохой бросок, теперь держи крепче, восстанавливай дыхание: почему оно вообще у тебя сбилось. Не выпускай вторую руку. Дави на локоть. Бей, потом тяни. Нет, не отдавай руку, вставай, держись, жди момента. Сейчас. Нет, медленно. Плохо. Ещё раунд. Начали...

Сколько прошло раундов, пять, десять? Мальчишка не знал, да и какая разница, когда ты, наконец, можешь передохнуть, растирая ушибы и не думать ни о чём. АГ не покинул центр комнаты, просто приплясывал на месте, будто дразнил неудачливого бойца в углу. А в углу было хорошо, прохладно и уютно, самое то для отдыха!

— Эй, наставник, Вы где?

— Да что с тобой не так, парень, знал бы на что подписываюсь...

— Эй-эй, это ещё кто из нас подписывался!

— Ладно, чего хотел?

— Историю, и чтоб интересную! И...и взаправдашнюю!

— Интересную и взаправдашнюю? Боюсь, так не бывает... но кое-что близкое к этому у меня есть.

— Ну же! Ну же!

— Знавал я одного человека, что во времена новых колонизаций, на одной из заселяющихся планет посмел бросить вызов сизитария. — Неспешно начинает наставник. — Сизитарий, как временная власть, контролирующая процесс заселения планеты, не имела ограничений в своих полномочиях до назначения основного трибуна, и конкретно в этой истории власть и безнаказанность обернулись жестокостью и принуждением по отношению к пилигримам. Исполнительная власть обращалась с обычными людьми как с мусором, а их вмешательство затормаживало работы, хотя должно было обеспечивать поддержку. А сизитарий, состоящий из совета шести референтов, был занят грызнёй между собой за право до окончания работ урвать кусок побольше. Перепродажа материала и продуктов, которые должны были обеспечивать своевременное заселение, не только тормозила процесс, но и привела к голоду среди рабочих. На заселение отправлялись целые семьи с детьми и стариками, поэтому коррумпированность сизитария в первую очередь грозила смертями самым слабым. Но ещё до того, как люди облекли своё недовольство в действие, на территории колонии были разрешены смертные казни. Многих казнили без суда и следствия, многие убежали за пределы заселённой зоны и погибли в объятиях дикой природы. Но был один человек, солдат, подчиняющийся безумным приказам референтов, решивший рискнуть своей жизнью и переслать сообщение на Тетра-Виа. К несчастью, ему это не удалось: его предал лучший друг, ведь если бы информация просочилась, то весь исполнительный комитет сизитария был бы казнён, а солдаты отправлены на каторгу ручного труда. Но так как его предал друг, ему было позволено бежать до казни. Солдат бежал в дикие леса планеты, в искусственно созданную природу, не рассчитанную ни на убийство человека, ни на его содержание... Сбежавший смог выжить, научился охотиться и прятаться от хищников, добывать огонь и ставить ловушки, со временем превратившись в настоящего отшельника. Но опасность леса не давала ему покоя: на него то и дело нападали звери, не видящие в нём ничего, кроме еды. Не желая жить в вечном страхе, человек начал изучать движения животных в бою, копировал их и практиковался, оттачивая своё мастерство. Вскоре тренировки стали смыслом его жизни. Отшельник просыпался ради тренировок и

засыпал в предвкушении новых. Когда боль от нагрузок сменялась приятным напряжением мышц, человек увеличивал дневную норму. Однажды он решил проверить свои силы и сразился с медвепардом — отшельник еле выжил, но сражения с животными с того дня стали нормой... Шли годы, человек, поглощённый процессом совершенствования, перестал думать о возвращении к нормальной жизни. Роща стала для него домом, и он стал её хозяином, хозяином леса, которого начали бояться хищники. Наверно, он бы и умер там, в блаженном одиночестве, если бы почти двадцать лет спустя в роще не появился очередной беглец. Пилигрим не сразу узнал в нашем герое человека, и не сразу смог объяснить, что произошло. А произошло следующее: сизитарий, тормозивший подготовительный этап колонизации из-за страха быть разоблачёнными, осознав, что наказания не избежать, решил перейти черту. Совет референтов заключил сделку с пиратами фракции космических отшельников и с развивающейся на то время организацией работорговцев. План заключался в том, чтобы с поддержкой другой команды, на средства от продажи пилигримов в рабство и хищения ценностей ещё слабой колонии организовать собственный пиратский флот. Солдаты, отказавшиеся присоединиться, были уничтожены после непродолжительного сопротивления, а рабочие, несмотря на численное превосходство, не смогли ничего противопоставить альянсу оставшихся сил и пиратов. Многие бежали, многие прятались, но были пойманы именно самые незащищенные. Женщин, детей и сломленных духом мужчин погружали на корабли как груз, а стариков и тех, кто не желал сдаваться, убивали на месте...

Учитель делает продолжительную паузу, будто задумавшись о чём-то:

— Выслушав рассказ беженца, отшельник впервые за долгие годы утратил самообладание. Лишённые контроля эмоции привели его напрямик в уже возведённый город, до краёв переполненный болью и страданием. Он шёл среди брошенных тут и там трупов, шёл, прислушиваясь к отдалённым звукам празднования победы. Победы чудовищ над людьми. Сопротивление пилигримов не смогло пробиться к центру управления и активировать защиту. Лесной житель, минуя пьяные патрули, диким зверем прокрался в центр управления и активировал режим подавления, блокирующий все энергогенные приборы в области города. Корабли, излучатели и стрелковое оружие перестали работать, но пираты это заметили не сразу. Заметили они это, только когда на них обрушилась кара в виде одичалого человека, убивающего всех на своём пути. Убивающего голыми руками... Отшельник перебил около двух тысяч пиратов и предателей, неспособных дать бой в полном отсутствии дисциплины и привычного для них превосходства в вооружении. Он был слишком быстр и слишком силен, чтобы армия, поддавшаяся панике, смогла его остановить. И вот, когда он уже подошёл к апартаментам сизитария, когда он беспрепятственно прошёл через двери, оставленные сбежавшими охранниками, взору его предстала следующая картина: его некогда лучший друг стоял перед ним на коленях в ожидании милости от победителя, выложив перед собой отрезанные головы алчных референтов. Каждое лицо представителя сизитария застыло гримасой ужаса и боли, но не на их лица смотрел отшельник, а на залитое слезами и раскаянием лицо солдата, некогда предавшего его и позволившего сбежать. Сбежать на верную смерть...

Очередная пауза повисла в зале, позволяя малолетнему слушателю переварить услышанное:

— Позже, освобождённые из трюма кораблей ничего не понимающие рабы наблюдали, как все оставшиеся в живых солдаты вкупе с пиратами садятся на корабли и безмолвно улетают под командованием пахнущего смертью дикаря. Никто не знал, куда они улетают, но спустя две недели разведка «Весты» доложила командованию о том, что база крупнейшего синдиката космических отшельников была уничтожена. Среди работорговцев, как и нападавших, почти никто не выжил...

— Вааау, а что было дальше с отшельником, что стало с колонией? Он убил своего друга, или нет? — мальчишка засыпал наставника вопросами.

— А дальше ты идёшь в центр комнаты... Правильно... Становишься перед Варфоломеем, не смейся! Нормальное имя для дроида... принимаешь стойку. И... Начали!

<http://tl.rulate.ru/book/8500/159575>